

ТОЛЬКО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ПОМОЖЕТ ПРЕОДОЛЕТЬ ВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОТСУТСТВИЕ РЕАЛЬНОГО ВЫБОРА

На дворе — январь. По традиции самое время подводить итоги, выстраивать планы. Но как-то не очень хочется — всё приходит на ум великая российская фраза одного из персонажей Грибоедова «Шумим, братец, шумим!»

Валерий Нестеров,
министр общего
и профессионального
образования
Свердловской
области

Отчего не очень хочется строить какие-то планы? Да, прежде всего оттого, что неловко перед людьми — руководителями образовательных учреждений, учителями, учащимися, родителями — в общем, перед населением. Ведь чтобы планировать, надо быть уверенным, что хотя бы в ближайший месяц, а лучше бы год, не отыщется какая-нибудь светлая голова, которая выступит с новой широкомасштабной идеей, как нам реорганизовать что-нибудь в образовании.

В самом деле, если все «колебания атмосферы» на образовательно-географическом пространстве России, произведённые деятелями российского образования в виде заявлений, размышлений, концепций и прочее соединить в одно, то разразилась бы мировая катастрофа. И что?! «Шумим, братец, шумим»...

Упаси Бог, заподозрить меня в противостоянии светлым идеям, если только они не смахивают на попытку лоббирования узко корпоративных интересов. К примеру, появилась идея «профильного обучения» и тут же на авансцену вышла группа авторов *элективных* (почему не сказать «избираемых» или «по выбору»?) курсов и учебников. Авторы достаточно агрессивно продвигают их для «добровольного выбора», хотя иногда трудно даже предположить, к какой «профильности» этот элективный курс пристроить.

Может быть, это мелочи, но уж очень раздражающие. А если говорить о системообразующих факторах, то трудно не согласиться с Президентом В.В. Путиным, который не устаёт говорить, что *стране нужна стабильность во всех её составляющих*. Стабильность — это отнюдь не застой, а системное развитие, позволяющее постоянно совершенствовать содержание образовательного процесса, формы организации и результаты. При этом нельзя уподобиться пушкинской старухе из «Сказки о рыбаке и рыбке», которая вознамерилась в одночасье сделаться владычицей морскою. Результат известен. Не про нас ли эта история?

Системообразующим фактором в образовании России, безусловно, является Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 года. Именно Закон, который определяет государственную политику в области образования, принципы этой политики, государственные гарантии, обеспечивает существование в стране целостного образовательного пространства. Что же происходит с нашим системообразующим фактором?

С одной стороны, Закон всё время подвергается изменениям. За время его существования изменения вносились двенадцать или тринадцать раз, а последние изменения 2004 года весьма существенно препарировали его первоначальную сущность.

Но есть и другая сторона, которая определяет стабильность и возможность поступательного развития нашего образования. Десять лет не исполнялся п. 2. ст. 1 об организационной основе государственной политики в области образования — Федеральной программе развития, но и после её принятия продолжают появляться всевозможные доктрины, концепции и т.д. До сих пор не выполнены требования ст. 7 Закона о государственных образовательных стандартах в Российской Федерации, которые должны приниматься не реже одного раза в десять лет. Пошло уже второе десятилетие, а у нас

все светлые идеи: а не попробовать ли нам вот это, или вот это? Невольно вспоминаются советы из сказки В. Филатова о Федоте-стрельце по поводу лечения разными природными средствами.

Думаю, что в ситуации, когда Закон подвергается постоянным изменениям, а основополагающие его требования не исполняются теми, кому это положено делать, и на чём в принципе должны основываться и стабильность, и поступательность в развитии системы, уверенность педагогов, понимание учащимися целей образования, вера родителей в его результативность — в такой ситуации мы обрекаем и следующие поколения наших детей жить в условиях перманентных широкомасштабных экспериментов.

Субъективно многие вещи, происходящие в нашем образовании, можно объяснить тем, что после Э. Днепров у нас наступила эпоха ректоров в качестве министров образования, которые, как мне кажется, никогда особенно и не стремились понять, что такое общее образование.

Правда, одна нетленная мысль присутствовала всегда: *общее образование — это то место, где плохо готовят в вуз.*

Иными словами, кто-то там копошится внизу, да всё не так делает, а мы тут, люди в белых одеждах из-за их нерадивости имеем дело с плохим человеческим материалом, но всё равно набираем и набираем и на бюджетное обучение и за плату, всё равно выдаём и выдаём лицензии неким организациям, пробивающимся раздачей дипломов о высшем образовании в страстном желании догнать не то Японию, не то бывший Советский Союз, который, как известно, славился рекордным количеством инженеров на душу населения.

Собственно, о реформе общего образования говорить не приходится. Есть некоторые процессы, связанные с изменениями отношений собственности, пониманием нашей никудышности на фоне современных технологий и попытками на этом фоне осуществлять преобразования, навязываемые экономическими реформами. Образование пытаются затянуть

в «мясорубку» этих реформ, ошибочно полагая, что решение наших общегосударственных, национальных проблем связано только с профессиональным образованием, особенно с его высшей ступенью.

Общее же образование — огромное и принципиальное достижение России, в некотором роде её социальный эксклюзив, — становится главной жертвой преобразований, так как выхолащиваются его истинные цели, подменяется его смысл. Речь идёт о подмене понятия «общая образованность народа» понятием «профессиональная образованность», причём не вообще профессиональная образованность, а получение высшего профессионального образования относительно небольшой частью общества.

На что, к примеру, нацелена система Единого государственного экзамена? Декларируются два крупных козыря. Первый — наконец-то мы узнаем истинный уровень подготовки в общем образовании. Второй — абитуриент получает право направлять свои результаты в любой вуз страны.

Вот тут и возникают вопросы... Уровень подготовки или, скажем, подготовленности... К чему? Твёрдые и прочные знания чего-то такого, что завтра уже не будет представлять интереса, поскольку инструментарий, для этой цели предлагаемый, не содержит ничего фундаментального? Способность учителя «натаскать» учащихся на отгадывание правильного ответа по совокупности признаков, которые всегда есть в самом вопросе и в предлагаемых вариантах ответа? Или под уровнем надо понимать степень готовности человека, получившего общее образование к исполнению различных социальных ролей: гражданина, жены, мужа, отца, матери, защитника Отечества и пр. и пр.?

Казалось бы, мы давно в России поняли, что великая историческая миссия общего образования — не допустить распада связи времён. Задача общего образования, включая и дошкольный период, — ознакомить новое поколение со всем тем, что человечество успело сделать до него. Не в узко профессиональной части, а в широком общекультурном смысле.

Понятна грандиозность задачи: надо уместить огромную историю человечества в очень ограниченные рамки того времени, которое отдельный человек может выделить из своей относительно непродолжительной жизни, чтобы изучить всё это. Задача усложняется и тем, что растущий человек на каждом этапе жизни характеризуется возрастными физическими, физиологическими, психическими особенностями. Это обстоятельство и сформировало в педагогической науке и практике понимание необходимости функционирования системы образования, и это, безусловно, правильный подход. Однако правильным он остаётся до тех пор, пока, с одной стороны, педагоги помнят о целях и задачах каждой ступени, а с другой, каждый принимающий ребёнка, подростка на следующую ступень хорошо понимает цели и задачи предыдущей. Именно это и позволяет обеспечивать преемственность между ступенями и уровнями образования: *преемственность по факту развития детей, а не по факту предметного знания.*

Результат образования нельзя оценивать только по конкретным, а вернее — прикладным показателям, скажем, по итоговой аттестации, или по переходу ребёнка на следующую ступень образования. Подлинный результат отдалён. *Если какие-то нравственные ценности человеком присвоены и стали его личным достоянием, определяющим образ жизни, — вот тогда можно говорить о результате.*

Когда мы говорим о коммуникативных способностях, о социализации, о нормальном вхождении в общественные отношения, то часто имеем в виду отношения человека с «не родными», условно говоря, людьми: с работодателями, властью, знакомыми. Но вот вам статистика: каждое шестое преступление совершается обычно в быту — дома, в семье.

Трагическую фразу написал мальчик в областной контрольной работе (заданием было своего рода эссе об ответственности и успехе): «Я не хочу становиться взрослым, меня там заставят курить и пить». А заставит-то кто? Наши же, по выражению Солженицына, «образованцы», усвоившие физику металлов или математический анализ, но не принявшие нравственной нормы, любовь к ближнему как высшую ценность общества, не понявшие великую ценность семьи.

Почему? Где же то место в структуре, в построении наших образовательных программ, в котором отфильтровывается всё самое ценное, необходимое человеку для жизни, и остаётся лишь дистиллированная жидкость программных сведений? Мы сами культивируем обезличенность, сами её поддерживаем. Некоторые ещё и отстаивают с пеной у рта, идеологию «трудовых резервов», путая теорию экономической науки, которая, конечно, не может обходиться без понятий «рабочая сила», «обслуживающий персонал» применительно к человеку, который никакой не «трудовой резерв» и не затем родился, чтобы быть этим самым «резервом».

На какое тогда общение можем мы рассчитывать в обезличенной среде? На

какое содержание общения и на какой его результат мы можем надеяться?

И если вдруг в обезличенную массу, в период её наивысшего обезличивания, какой-нибудь местный пророк (а таковые всегда находятся) бросит клич: «Пошли бить чёрных!» (или очкариков, или ещё кого-то), то найдётся ли тот, кто скажет: «Нет, нельзя бить и унижать людей»? Это — большой вопрос...

Все заданные и незаданные мной вопросы, свидетельствуют об отсутствии системных подвижек, изменений, позволяющих современному учителю работать в русле принципов функционирования образовательной системы, изложенных в ст. 2 Федерального закона «Об образовании». Более того, и педагогическое образование, и система повышения квалификации, и педагогическая наука сегодня, пользуясь новомодным телевизионным термином, — самое слабое звено в системе образования. Прежде всего, потому, что всё это перестало быть аортой системы, дающей свежую кровь, а превратилось в одну большую и вялую вену, гонящую одно и то же содержание по организму образования.

Вполне отчётливо понимаю, что принимаю огонь на себя. Но давайте не о чести мундира заботиться, а говорить по существу. Мы ведь ведём речь об образовательных программах, которые «разрабатываются, принимаются и реализуются образовательным учреждением самостоятельно». Этому положению 10 июля 2004 года исполнилось 12 лет, за это время мы выпустили из педагогических образовательных учреждений всех уровней сотни тысяч педагогов, провели немереное количество всяких курсов повышения квалификации, не берусь сказать сколько защитили диссертаций. Почему же так печально мало людей, способных разработать и реализовать образовательную программу учреждения в том смысле, в котором это зафиксировано в Законе? Почему так широка практика привлечения сторонних людей для написания этих программ, что называется от «фонаря»? Прошу прощения, что прибегаю к такому языку.

Потому, что наше педагогическое образование продолжает оставаться абсолютно дидактическим. С ориентацией не на развитие креативных способностей педагога, позволяющих ему самому быть творцом всего того, что обозначено в статье 32 Закона «Компетенция и ответственность образовательного учреждения», а на изучение абстрактных методических систем, которые, в лучшем случае, могут быть отправной точкой для критического разбора и анализа, осуществляемого преподавателями и студентами. Вот и выходят у нас лже-Занковы, лже-Давыдовы, лже-Васильевы и лжеучёные с полной потерей собственного имени.

Наше педагогическое образование по-прежнему не готовит учителей к работе во вновь открывающихся педагогических обстоятельствах. Не помогает студентам понять существо профессии, что очень хорошо прослеживается, когда будущие педагоги попадают на практику не в идеальные условия школы, где под суровым взглядом Марьи Ивановны затихает всё живое, а скажем, в летние лагеря, где отдыхают совсем не похожие на умозрительные образы учеников ребята из детских домов. *Студенты наши готовятся не к работе с разными детьми, а к сдаче зачётов и экзаменов, что, как правило, никакого отношения к жизни не имеет.*

Серьёзнейшим показателем того, что наше педагогическое образование, реализуется как предметное, но не как педагогическое, является тот факт, что многие учителя не могут или не пытаются отделить зёрна от плевел и не воспринимают критически многое из того, что в последнее время выдаётся за модернизацию образования. Например, нам говорят, что мы вышли в Интернет и это большой прогресс. Наверное, это так. Но мы-то речь ведём о педагогическом образовании. И если для того, чтобы узнать, что человек и судьба (желательно счастливая) есть мерило всех ценностей, надо выйти в Интернет, — то тогда, конечно, да здравствует Интернет!

В последнее время активизировался так называемый рынок, дополнительных образовательных услуг, в том числе и для педагогических работников. Нашим людям очень нравятся две вещи в инновациях: во-первых, хорошо «закрученное» название, с обязательным присутствием обязательных слов, которые просто завораживают своим звучанием, часто при полном отсутствии содержания, а, во-вторых — место рождения: Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Париж... Меньше нравится цена за это удовольствие. А потом возникает глухое раздражение, вызванное разницей между цветом фантика и вкусом конфетки. Ну, это уже потом...

В связи с этим образовательные программы ряда учреждений часто напоминают бабушкино лоскутное одеяло: пёстрое и местами-то даже красивое, но сшитое из разных кусков. Такая программа всегда сомнительна и по целеполаганию, и по реальности достижения цели.

А может быть, как раз любители таких вещей и не стремятся достигать результата? Они, как правило, говорят о себе: «У нас творческий коллектив». Таким людям мне всегда хочется задать вопрос, что называется на засыпку: увидел бы когда-нибудь мир хоть одно полотно, ну скажем, Рубенса или любого другого творца, если бы его творческие усилия не были подчинены достижению результата?

Размышляя о содержании и организации образования будущих педагогов, не могу обойти стороной не менее «модную» проблему диалога в образовании. В чем здесь, собственно говоря, проблема? Широко известно, что диалог — это разговор между двумя или несколькими лицами. Менее применимо толкование, что диалог — это свободный обмен мнениями. И в этом как раз заключается проблема школьного диалога, ибо наш школьный диалог зачастую имеет характер навязанного. В чём это проявляется? Прежде всего, в том, что тема, как правило, определяется одной стороной (понятно — какой), при этом вторая сторона, в силу своего положения, всегда вынуждена имитировать заинтересованность. Такого рода «диалоги» на второй или третьей минуте склонны перерождаться в обычный школьный опрос при ответе с места. Диалог умирает, поскольку вторая сторона начинает отчётливо понимать, что от неё ожидают не мнения, а правильного ответа. И потом всегда есть опасность перерастания ординарного школьного диалога в монолог — по разным причинам. Диалог приобретает опасный для учителя характер или, по мнению учителя, развивается не в ту сторону, если не соответствует его методической задумке.

Есть и причины, по которым учитель не стремится иметь диалог в арсенале своих средств общения с учащимися. Одна из них, довольно часто встречающаяся в практике ситуация, когда вышестоящее лицо, посетившее урок, пришло к заключению, что диалог не завершился «правильными» выводами, которые должны сделать учащиеся. Тот факт, что состоялся обмен мнениями и у школьников была возможность высказать своё и услышать мнения других, иных проверяющих совершенно не устраивает. А если ещё на беду учитель имел неосторожность похвалить ре-

бят, или, не дай Бог, согласиться с «неправильными», на взгляд проверяющего, выводами или суждениями школьников, на диалог как на средство общения надо ставить крест. Хотел бы предложить для обсуждения формулу: «Диалог как форма существования образовательного учреждения». В определённом смысле это логичное продолжение работы по формированию образовательного сообщества. Само существование образовательного сообщества возможно только тогда, когда школа в своей внешней и внутренней политике ведёт диалог, настроена на конструктивный, равноправный разговор с учениками и их родителями, на обмен мнениями, учитывает эти мнения в своей образовательной программе. Только результативный диалог как форма существования образовательного учреждения позволит, к примеру, исключить из его деятельности сугубо эгоистические устремления в интересах одной стороны или бездумное следование неким новациям. Некоторые образовательные учреждения (сначала в больших городах, потом в средних, а затем и просто там, где больше двух школ) вдруг решили, по им только ведомым признакам, что они лучше других, и пытаются выставить некий фильтр: это ученик нашей школы, а этот нам не подходит. В некоторых образовательных учреждениях это профессиональное и антиконституционное хулиганство начинается уже при приёме в первый класс, другие держатся на уровне окончания основной школы, а потом начинают сортировать собственных учеников по принципу «наш — не наш» и искать «своих» в других образовательных учреждениях. Что бы ни говорили подобного рода деятели, как бы ни рядились в тогу гуманистов, — вывод однозначен: нет там никакого образовательного сообщества, нет диалоговой политики, нет личностно-ориентированной педагогики, а *есть в худшем виде профессиональная корпоративность, направленная на присвоение результата, к которому, такое образовательное учреждение никакого отношения не имеет.*

Другой пример. Известно, что юридически, а в последнее время и с очень короткими паузами, рождаются некие идеи широкомасштабного размаха, которые, правда, на поверку не очень соответствуют ни науке, ни практике. Говорю о так называемом профильном и предпрофильном образовании. Прошу прощения, предпрофильная — это подготовка. Ну, во-первых, если вы с карандашом в руках проштудируете ещё раз Закон РФ «Об образовании» и даже Конституцию РФ — ничего подобного там не увидите. Но для истинных новаторов это не препятствие!

Попробуем, хотя бы кратко определить, что же это такое. Профильность — некая совокупность типических признаков хозяйства или производства. Тогда термин предпрофильность вообще не имеет права на существование, ибо лишён смысла: в переводе он означает ни больше ни меньше, как «предсовокупность» признаков и качеств. Вероятно, может существовать и такое (с некоторой натяжкой) профильное образовательное учреждение, т.е. имеющее совокупность качеств и признаков для реализации *профессионального образования*, но не может быть *образования профильного*.

Для чего это делается? Почему не употребляется терминология нормальная: профессиональное образование, предпрофессиональная подготовка или профессиональная ориентация. *Потому что слишком заметен будет удар, который пытаются нанести в интересах высшей школы по общему образованию — огромному, повторю, достижению нашей культуры, нашей цивилизации.*

Человечество много экспериментировало и пришло к выводу: нужна система общего ознакомления всех рождающихся с опытом развития общества и его достижениями в художественной культуре, в основах наук, нравственности и т.д., а затем на этой основе, подготовка человека по одной из профессий. При этом совершенно ясно, что общее образование как основа социализации только одно, а профессиональных специализаций за долгуго чело-

веческую жизнь может быть и несколько. *Однако уже начались обращения родителей, которых ставят перед фактом, в том числе и открытия предпрофильных классов, ничего не объясняя, не советуясь, не вступая в диалог ни с родителями и детьми.* Говорят: либо пишите заявление, либо ищите другую школу. Я уж не задаю вопрос о том, откуда они такие умные взялись, или отважные (чтобы не сказать другого слова) ибо решаются, как Данко, вести людей через это тёмное и топкое болото?

Практика общения с учителями, с родителями, с учащимися свидетельствует, что никто или почти никто не спрашивает: зачем? Зачем это делается, чего мы добьёмся по самим насущным нашим проблемам? Все спрашивают только: будет или не будет и когда будет? Попадут наши дети под этот молох или не попадут? Не спрашивают: станут ли они в результате другими, отличающимися от нас в лучшую сторону? И мы, управленцы, уже не задаемся этими вопросами. Мы как будто не видим, что всё направлено в одну сторону, в сторону высшей школы, что *нет и намеков на общекультурное развитие нашего народа в новом поколении, на некие ценностные ориентиры.* Всё упирается в ложный ориентир: высшее образование как высшая цель и высшее счастье.

Почему так происходит? *Потому что нет образовательного сообщества, способного общими усилиями помочь вырваться из ведомственных представлений о том, что так называемые «хорошие оценки» — это есть хорошее образование, а хорошая дисциплина — это когда в классе тихо, хороший ученик — тот, кто с усердием заучивает чужие мысли, не рождая своих...*

Пока мы не видим связи между состоянием отдельного человека и всего общества, пока продолжаем убеждать друга, что для хорошего результата образования нам не хватает одного часа математики, физики или литературы — до той поры у нас и не будет результатов, к которым

вообще-то относятся способность и стремление к самоанализу и к самооценке, к самообразованию, самореализации, способность и стремление самому отвечать за свою жизнь и судьбу.

Образовательное сообщество — союз педагогов, родителей, учащихся, власти и общественности. Оно должно быть гарантом здорового и радостного детства, защитником его от взрослого волонтаризма и амбиций. Другими словами, образовательное сообщество — один из признаков и проявлений гражданского общества.

Почему же это так важно для нас, людей работающих с молодёжью, с будущим страны? Я бы особо подчеркнул эту фразу. *Мы говорим не об абстрактном будущем, о котором пишут фантасты либо что-то ужасное, либо наоборот — розово-голубое. Мы говорим о совершенно конкретном будущем — вот оно перед нами, с нами и — за нас, или без нас.* Пройдёт ещё какое-то время, и мы станем прошлым, они настоящим, они станут вершителями судеб страны, а их дети — будущим.

Вот почему для нас так важно становление гражданского общества. Мы все — педагоги, учителя, управленцы, именно мы должны понимать: *нет важнее и принципиальнее задачи для образования, чем способствовать утверждению гражданского общества, общества свободных и равноправных граждан.* А равноправным нельзя диктовать без конца, не считаясь с их мнением.

Вновь обращаюсь к тому, что написано в Законе РФ «Об образовании»: «*учащиеся имеют право на... участие в управлении образовательным учреждением, на уважение своего человеческого достоинства, на свободу совести, информации, на свободное выражение собственных мнений и убеждений*». Родители имеют право «*защищать законные права и интересы ребёнка, принимать участие в управлении образовательным учреждением*». Закон также провозглашает права и обязанности образовательного учреждения и педагога. Будучи объединено, гуманистически осмыслено, всё это и станет основой возникновения образовательного сообщества. Надо только отказаться от разъедающего нас, как профессионалов, не принадлежащего нам монополю права диктовать человеку, что ему нужно для развития, отказаться от педагогики «формирования», призвать себя в ряды граждан и первыми сделать необходимые шаги навстречу объективно необходимому образовательному сообществу. Тогда исчезнет затяжная шумиха, безсмысленные вопросы: «будет или не будет, и когда будет?» (а что «будет» — никому не ясно), дети и их родители получают право реального выбора, а человек будет счастлив не от того, что закончил вуз, а оттого, что у него образованна душа и он постиг самую трудную науку — радоваться самоценности жизни и восхищаться бесконечной гармонией мироздания.

г. Екатеринбург